

Калиниченко Дмитрий Валентинович

**ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ СУБЪЕКТОВ СОЦИАЛЬНОГО
ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И
ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ**

12.00.03 – гражданское право; предпринимательское право;
семейное право; международное частное право

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Работа выполнена в Федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования «Саратовская государственная юридическая академия»

Научный руководитель: доктор юридических наук, доцент
Гришина Яна Сергеевна

Официальные оппоненты: **Тычинин Сергей Владимирович**
доктор юридических наук, профессор, ФГАОУ ВО
«Белгородский государственный национальный
исследовательский университет»,
заведующий кафедрой гражданского права
и процесса

Михайлов Андрей Валерьевич
кандидат юридических наук, доцент, ФГАОУ ВО
«Казанский (Приволжский) федеральный
университет», и.о. заведующего кафедрой
предпринимательского и энергетического права

Ведущая организация: ФГБОУ ВО «Московский государственный
университет имени М.В. Ломоносова»

Защита диссертации состоится «11» апреля 2019 г. в 16:00 часов на заседании диссертационного совета Д-212.239.03 при федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования «Саратовская государственная юридическая академия» по адресу: 410056, г. Саратов, ул. Чернышевского, д. 104, зал заседаний диссертационных советов.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке и на сайте федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Саратовская государственная юридическая академия» (<http://test.ssla.ru/dissertation/dissert/01-02-2019-1d.pdf>).

Автореферат разослан «___» _____ 2019 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат юридических наук

Колодуб Григорий Вячеславович

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования проявляется в нескольких аспектах.

Политический и социально-экономический аспекты актуальности темы заключаются в том, что Российская Федерация в соответствии с ч. 1 ст. 7 Конституции РФ является социальным государством и ее политика должна быть, безусловно, направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие каждого человека. В своих актах Конституционный суд РФ неоднократно указывал, что цели социальной политики Российской Федерации предопределяют обязанность государства заботиться о благополучии своих граждан, об их социальной защищенности и обеспечении нормальных условий существования. Президент РФ в своих посланиях Федеральному Собранию РФ также обращал внимание на то, что смысл политики – это сбережение людей, умножение человеческого капитала как главного богатства России. Указанный капитал — это результат удовлетворения многообразных потребностей человека и общества в целом, то есть степень социальной защищенности граждан.

Однако, несмотря на предпринимаемые усилия, проходящие в настоящее время социально-экономические реформы не способствуют установлению баланса между социальными обязательствами государства и социально-имущественными потребностями российских граждан. По сообщению главы Счетной палаты РФ Татьяны Голиковой (в указанной должности до 17.05.2018) со ссылкой на результаты исследования Института социального анализа и прогнозирования РАНХиГС, в третьем квартале 2017 года доля бедных в России достигла 13,1% населения, а доходами ниже прожиточного минимума располагали 13,8% населения. При этом на фоне снижения доходов населения число россиян, находящихся за чертой бедности, достигло уже 20,3 млн человек, что вряд ли может свидетельствовать об успешности российской социально-экономической политики, направленной на обеспечение конституционных гарантий, и обуславливает необходимость поиска более эффективных, учитывающих зарубежный опыт антикризисных правовых инструментов.

Вместе с тем в условиях глобального социально-экономического кризиса многие страны даже развитого правопорядка не всегда способны обеспечить реализацию своих конституционных гарантий. В таких случаях им на помощь приходит институт социального предпринимательства, который соединяет получение социального блага и экономической выгоды, основываясь на социальном воздействии и инновационности решений, что обеспечивает необходимую финансовую устойчивость реализуемым инициативам, направленным на решение различных социальных проблем. Как показывает анализ зарубежной правоприменительной практики, такой способ комбинации экономических и социальных ресурсов является действенным средством для того, чтобы вырвать из условий бедности значительные слои населения и повысить уровень жизни социально незащищённых слоев населения. В этих условиях в обществе формируется запрос на развитие условий для достойной жизни граждан и, соответственно, на новые правовые модели социально значимой деятельности, где ключевую роль призваны играть субъекты социального предпринимательства, правовое положение которых должно быть четко определено.

Правоприменительный и правотворческий аспекты актуальности темы. За последнее десятилетие во многих странах развитого правопорядка интенсивно принимаются меры по созданию, развитию и поддержке субъектов социально-предпринимательской деятельности, добровольно возлагающих на себя часть обязательств государства по решению социальных проблем. В качестве наиболее оптимальных и эффективных субъектов социального предпринимательства в мире себя зарекомендовали правовые конструкции американской коммерческой низкодоходной корпорации с ограниченной ответственностью (Low-Profit Limited Liability Company – L3C – (англ.)), немецкого некоммерческого общества с ограниченной ответственностью (Gemeinnützige GmbH – gGmbH – (нем.)), британской компании общественных интересов (Community interest company – CIC – (англ.)), итальянского социального кооператива (Cooperativa Sociale – (итал.)), южнокорейского социального предприятия, правоприменительный опыт которых представляет значительный интерес и может быть востребованным. Однако российская законодательная база не содержит дефиниции социального

предпринимательства, отсутствуют правовые критерии статуса субъекта социального предпринимательства и условия его поддержки, что существенно тормозит формирование социально-предпринимательского сектора.

На необходимость легализации социального предпринимательства, планировавшейся на декабрь 2016 года, обращалось внимание на самом высоком правительственном уровне. На встрече с представителями некоммерческих организаций в г. Петрозаводске, прошедшей в июле 2017 года, В.В. Путиным вновь отмечена актуальность введения в правовое поле понятия «социальное предпринимательство». В перечне поручений Президента РФ по итогам встречи реализация установки была намечена на декабрь 2017 года. Однако, несмотря на интерес к антикризисному механизму социального предпринимательства, разработке целого ряда законопроектов, обсуждаемых в разных чтениях депутатами Государственной Думы Федерального Собрания РФ, непосредственно направленных на легализацию правового статуса субъекта социального предпринимательства, ни один из них так и не был принят.

На подзаконном уровне в приказах Минэкономразвития России социальные предприниматели по-прежнему рассматриваются в качестве социально ориентированной части субъектов малого и среднего бизнеса, претендующей на получение государственной помощи. К сожалению, данный ограниченный подход не учитывает интересы всех субъектов социального предпринимательства, в частности, некоммерческих организаций, не в полной мере принимает во внимание многогранный зарубежный правоприменительный опыт. В связи с этим, исследование данного передового опыта правового регулирования и функционирования социальной предпринимательской деятельности представляется достаточно актуальным, может быть полезно для научного обоснования критериев правового статуса субъекта социального предпринимательства в Российской Федерации и выработки рекомендаций по его легальному закреплению в отечественной юрисдикции.

Степень научной разработанности темы исследования. Несмотря на отмеченную актуальность, вопросы гражданско-правового регулирования социального предпринимательства изучены недостаточно глубоко и по большей

мере с других сторон – экономической и социальной. Организационно-правовые формы социально-предпринимательской деятельности остаются предметом научного исследования иностранных ученых и немногих отечественных цивилистов. Применительно к зарубежным юрисдикциям особенно фундаментально указанные вопросы были исследованы такими учеными, как К. Борзага (С. Borzaga) (2004), Дж. Дэфорни (J. Defourny) (2001), П. Мерфи (P. Murphy) (2009), А. Николлс (A. Nicholls) (2006), М. Ниссенс (M. Nyssens) (2012); Дж. Остин (J. Austin) (2006) и др. В России наиболее ценный вклад в становление и развитие теории правового обеспечения социального предпринимательства внесли А.В. Барков (М., 2009), В.А. Вайпан (М., 2017), Я.С. Гришина (Саратов, 2014), Е.П. Губин (М., 2016), Ю.А. Кицай (Краснодар, 2016). В их работах особое внимание уделено исследованию правовой природы социально-предпринимательских отношений, проблемам их нормативного регулирования, развития и совершенствования.

Отдельным проблемам, связанным с гражданско-правовым положением социально ориентированных некоммерческих организаций и кооперативов как потенциальных субъектов социального предпринимательства, посвящены диссертации А.А. Бурцевой (М., 2012), С.В. Тычинина (СПб, 2004); правовым формам и средствам государственной поддержки субъектов предпринимательства – диссертация А.Т. Бикчинтаева (М., 2011); частично некоторые вопросы проблематики отражены в научных статьях С.С. Занковского (М., 2015), А.А. Мохова (М., 2015) и О.А. Серовой (М., 2015).

Вместе с тем наиболее важный вопрос в теории юридического обеспечения социального предпринимательства, касающийся правового положения субъектов социального предпринимательства, обоснования четких критериев их правового статуса и условий государственной поддержки, не решён. Сегодня в российской цивилистической науке существует только две диссертации, в которых так или иначе затрагиваются некоторые аспекты правового положения субъектов социального предпринимательства – это диссертационные исследования Л.А. Барковой и Я.С. Гришиной. Однако в работе Л.А. Барковой предлагаются критерии субъекта семейного, но не социального предпринимательства, а

Я.С. Гришина совершенствует действующий подход к определению правового статуса субъекта социального предпринимательства, содержащийся в приказах Минэкономразвития России, что, при накоплении богатого зарубежного опыта, уже не может считаться достаточным. В монографии Ю.А. Кицай, основанной на компаративистском анализе зарубежных моделей социального предпринимательства, угадываются лишь контуры моделируемой автором отечественной конструкции, которые могут быть предметом дискуссии, но окончательного решения не содержат.

Таким образом, немногочисленные научные работы не в состоянии охватить всю проблематику в указанной сфере, что обуславливает актуальность диссертационного исследования правового положения субъектов социального предпринимательства в Российской Федерации и зарубежных странах.

Цель диссертационного исследования заключается в формировании целостного научного представления о правовом положении субъектов социального предпринимательства в Российской Федерации и зарубежных странах, включая обоснование научно-практических рекомендаций по легализации статуса субъекта в отечественном законодательстве.

Указанная цель обусловила постановку следующих исследовательских **задач**:

- изучить влияние идеологии социального предпринимательства на развитие мировой нормотворческой практики, сформулировать понятие, выявить виды и признаки субъектов социального предпринимательства в доктрине и практике;
- дать общую характеристику нормативно-правовых подходов к определению правового положения субъектов социального предпринимательства, определить тенденции и закономерности развития нормотворческой практики;
- выявить правовые критерии предоставления субъекту социального предпринимательства статуса социального кооператива как условий его государственной поддержки в странах континентальной Европы;

- изучить правовое положение социально ориентированных корпоративных организаций и особенности определения статуса социального предпринимателя в США и Германии;
- определить критерии предоставления статуса корпорации (компании) общественной пользы по законодательству Великобритании и Канады;
- исследовать правовое положение субъекта социального предпринимательства в Южной Корее, критерии его статуса, условия государственной сертификации и поддержки;
- оценить достоинства и недостатки правотворческих подходов правовой регламентации статуса субъекта социального предпринимательства в Российской Федерации;
- рассмотреть перспективы применения положительного зарубежного правоприменительного опыта по совершенствованию правового положения субъекта социального предпринимательства.

Объектом диссертационной работы является совокупность общественных отношений, возникающих в процессе осуществления субъектами социального предпринимательства социально ориентированной деятельности.

Предмет исследования – научные труды зарубежных ученых, доктринальные взгляды отечественных цивилистов, законодательство и правоприменительная практика, посвященные правовому положению субъектов социального предпринимательства.

Методологическая база исследования. Для раскрытия темы применялись общенаучные диалектические и частно-научные методы: системный анализ, правовое моделирование, научный прогноз, межотраслевой, структурно-функциональный, формально-логический, историко-правовой, сравнительно-правовой и другие. Метод системного анализа использовался для выявления видов и характерных признаков субъектов социального предпринимательства (параграф 1.1). Историко-правовой метод позволил изучить влияние идеологии социального предпринимательства на развитие мировой правоприменительной практики, а также тенденции и перспективы нормативных (правовых) подходов к определению

правового положения субъектов социального предпринимательства (параграфы 1.1 и 1.2). Также в работе использовался сравнительно-правовой метод при исследовании зарубежного опыта определения статуса субъектов социального предпринимательства и условий его государственной поддержки (глава 2). Для обоснования правовой модели российской социально-предпринимательской организации использовался метод правового моделирования (параграф 3.1), а для оценки достоинств и недостатков правотворческих подходов правовой регламентации статуса субъекта социального предпринимательства в Российской Федерации применялся метод научного прогноза (параграф 3.2).

Теоретическую основу исследования составили монографические издания, диссертационные исследования и научные публикации отечественных ученых: А.Е. Балашова, Н.А. Барина, А.В. Баркова, Л.А. Барковой, В.С. Белых, А.Т. Бикчинтаева, В.А. Вайпана, Я.С. Гришиной, Е.П. Губина, О.Н. Ермоловой, И.В. Ершовой, С.С. Занковского, О.Ю. Ильиной, Ю.А. Кицай, Н.М. Коршунова, В.В. Лаптева, Ю.Г. Лесковой, А.В. Малько, А.В. Михайлова, А.А. Мохова, О.В. Петниковой, О.А. Серовой, Э.В. Талапиной, С.В. Тычинина, а также иностранных специалистов: К. Борзага, Г. Диз, Дж. Дэфорни, Ж. Керлин, П. Мерфи, А. Николлс, М. Ниссенс, Дж. Остин, Р. Спир, Р.Т. Эспосито.

Эмпирическая база исследования. На сегодняшний день отсутствует сложившаяся российская правоприменительная практика по регулированию отношений с участием субъектов социального предпринимательства, что не мешало использованию материалов судебной практики по делам с участием субъектов малого и среднего предпринимательства, некоммерческих организаций. В процессе исследования также были использованы информационные российские и зарубежные обзоры о развитии социального предпринимательства, законопроекты, статистические данные, содержащиеся на официальных сайтах правительственных органов.

Нормативную базу исследования составили: международные договоры, Конституция РФ, Конституция Италии, Конституция Южной Кореи, нормативные правовые акты Российской Федерации, ее субъектов, некоторые муниципальные нормативные акты, законодательные акты зарубежных стран, таких как

Великобритания, Германия, Греция, Италия, Канада, Польша, Словения, США, Финляндия, Южная Корея и др.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в разработке комплексного научного представления о правовом положении субъектов социального предпринимательства в Российской Федерации и зарубежных странах. С учетом зарубежного нормотворческого и правоприменительного опыта в сфере социального предпринимательства сформулирована дефиниция субъекта социального предпринимательства, предложена классификация субъектов. Выявлены современные мировые тенденции и закономерности развития законодательства, определяющего правовое положение субъектов социального предпринимательства и их трансформацию в гибридные социально-предпринимательские организации, а также характерные признаки, наиболее распространенные способы легализации. Оценены достоинства американского, британского, итальянского, южнокорейского и других, наиболее характерных законодательных подходов легализации критериев субъекта социального предпринимательства и условий для его государственной поддержки.

Дан критический анализ российского подхода к решению проблемы совершенствования правового положения субъекта социального предпринимательства; обоснованы с учетом зарубежного правоприменительного опыта критерии его правового статуса как условий, предоставляющих право на государственную поддержку; оценены перспективы применения зарубежного социально-предпринимательского правового инструментария (облигаций социального воздействия) поддержки социального предпринимательства.

Основные положения и выводы, выносимые на защиту:

1. С учетом зарубежной нормотворческой практики к субъектам социального предпринимательства следует относить индивидуальных предпринимателей, негосударственные коммерческие или некоммерческие организации (социальных предпринимателей), осуществляющих социально ориентированную деятельность, направленную на достижение общественно полезных целей посредством трудовой интеграции и (или) оказания социально значимых услуг лицам, относящимся к социально незащищенным категориям

граждан, при которой получение прибыли вторично, а приоритетность достижения социального эффекта является обязанностью, а не правом, как для других субъектов социально ответственного предпринимательства, не занимающихся социальным предпринимательством.

2. В зависимости от акцентов нацеленности на решение социальных проблем субъекты социального предпринимательства могут быть дифференцированы на социально-ориентированные организации: социально-трудовой интеграции и общественной пользы.

3. Определены современные мировые тенденции в сфере развития социального предпринимательства, ориентированные на принятие самостоятельных специальных законов и (или) внесение изменений в действующее законодательство, являющихся правовой формой выражения легальной дефиниции субъекта социального предпринимательства (социального предпринимателя), закрепления порядка приобретения (утраты) и критериев его правового статуса как условий, предоставляющих право на государственную поддержку.

4. Выявлены в мировой правоприменительной практике четыре наиболее распространенных способа легализации субъекта социального предпринимательства путем: 1) предоставления статуса социального кооператива как коммерческим, так и некоммерческим социально ориентированным организациям, отвечающим определенным в законодательстве критериям, вне зависимости от организационно-правовой формы (большинство европейских стран); 2) негосударственной рейтинговой сертификацией социально ориентированных, преимущественно некоммерческих организаций вне зависимости от организационно-правовой формы и государственной регистрацией специальных организационно-правовых форм осуществления социально-предпринимательской деятельности: низкодоходные корпорации с ограниченной ответственностью, социальные корпорации (США), некоммерческие общества с ограниченной ответственностью (Германия, Австрия); 3) предоставления статуса корпорации (компании) общественных интересов социально ориентированным коммерческим юридическим лицам,

реинвестирующим часть прибыли в социальные цели (Великобритания, Канада); 4) закрепления статуса «социального предприятия», отвечающего определенным в законодательстве общественно значимым критериям, прошедшего государственную сертификацию организаций (Южная Корея).

5. Общая закономерность развития законодательства зарубежных стран, регламентирующего правовое положение субъектов социального предпринимательства, проявляется в том, что данные субъекты вне зависимости от способа легализации и различий критериев определения статуса органично сочетают признаки как коммерческих, так и некоммерческих организаций, трансформируясь в гибридные социально-предпринимательские организации. К предпринимательским признакам субъектов социального предпринимательства относятся: непрерывная предпринимательская деятельность по производству (оказанию) общественно полезных товаров и (или) услуг; высокая степень самостоятельности и независимости от органов государственной власти; рискованный и инициативный характер общественно полезной деятельности. К некоммерческим признакам относятся: решение социальных проблем (общественная полезность) как основная цель деятельности; соблюдение социально-предпринимательских принципов солидарности и ответственности; свободное и добровольное членство; демократический процесс принятия решений и контроля над членами; ограничение распределения прибыли в общественных интересах.

6. Выявлены и оценены критерии предоставления субъекту социального предпринимательства статуса «социального кооператива» и условий его государственной поддержки, правовой моделью которого признается итальянский социальный кооператив. Достоинство подхода заключается в том, что данный статус может получить любая коммерческая и некоммерческая организация, взявшая на себя социально-предпринимательскую миссию, отвечающую требованиям, влияющим на определение типа социального кооператива: «А» – социально-трудовой интеграции (трудоустройство с гарантированным минимальным размером заработной платы не менее 50% от численности лиц, находящихся в трудной жизненной ситуации); «В» – общественной пользы

(преимущественное оказание социально значимых услуг); «А+В» – смешанного типа. В каждом из трех типов кооперативов регламентировано количество волонтеров, имеющих легальный статус; ограничение размера распределения прибыли в общественных интересах; обязательное отчисление в государственный гарантийный фонд поддержки социального предпринимательства (до 3% прибыли), способствующее развитию гражданского общества. Реализация данного подхода способствует мобилизации внутреннего потенциала для самостоятельного решения социальных проблем наименее защищенных слоев населения и обеспечивает им достойный уровень жизни.

7. Критически оценен американский правоприменительный опыт легализации субъекта социального предпринимательства в США посредством присвоения статуса «B corporation» – «общественно полезной корпорации». Достоинство этого опыта заключается в универсализации подхода, учитывающего интересы в соответствии с социально-предпринимательской идеологией как социализированных коммерческих, так и некоммерческих юридических лиц, вне зависимости от их организационно-правовых форм.

Доказано, что легализация специальной социализированной организационно-правовой формы юридического лица как альтернативного решения без определения в целом правового положения субъекта социального предпринимательства не может достичь ожидаемого эффекта. Данную конструкцию следует рассматривать в качестве дополнительного правового инструмента решения социальных проблем.

Выявлено, что американская негосударственная рейтинговая сертификация присвоения статуса субъекта социального предпринимательства при всех ее несомненных достоинствах оценки социального и экологического общественного воздействия, отвечающая строгим критериям в области социальной ответственности, воздействия на окружающую среду, прозрачности и управления, в настоящее время не приемлема для России ввиду доминирования государства в социальной сфере, неразвитости некоммерческого сектора и инфраструктуры его поддержки частными благотворительными фондами. Вместе с тем идеи, содержащиеся в критериях оценки социального и экологического воздействия

субъекта социального предпринимательства, могут быть востребованы при совершенствовании российской концепции развития публичной нефинансовой отчетности для определения ценности вклада в общественное развитие российских организаций.

8. Оценены достоинства критериев предоставления статуса корпорации общественной пользы субъекту социального предпринимательства, правовое положение которого строится на основе использования модели британской компании общественных интересов. Достоинства статуса корпорации общественной пользы, который может приобрести любое хозяйственное общество, закрепившее в уставе в качестве основного вида деятельности оказание социально значимых (общественно полезных) услуг, заключаются в эффективной правовой политике ограничений и стимулов социально-предпринимательской деятельности. Жесткий публичный контроль, состоящий из системы правовых запретов нецелевого использования имущества корпорации и распределения прибыли без учета общественных интересов, способствует установлению баланса между общественными и частными интересами. Гибкое корпоративное управление и контроль (в органах управления коллегиально взаимодействуют представители инвесторов, потребителей социально значимых услуг, местного самоуправления) позволяют эффективно оценить качество услуг и степень общественной пользы. Требование об обязательном реинвестировании 66% прибыли в развитие общественно полезной сферы представляется более продуманным, чем в российской нормотворческой практике, подходом, основанным на перечислении социально значимых видов предпринимательской деятельности.

9. Установлено, что достоинством южнокорейского подхода, интегрировавшего в долгосрочную государственную программу поддержки социального предпринимательства положительный британский и итальянский правоприменительный опыт, а также опыт сертификации социально-предпринимательских организаций США, является принятие в развитие программы специального национального закона о поддержке социального предпринимательства и ряда Постановлений Правительства, поскольку

сертифицированные субъекты социального предпринимательства вправе претендовать на государственное стимулирование – субсидии на развитие бизнеса, финансирование уставного капитала, льготные кредиты сроком до 8 лет с процентной ставкой на 2,5% – 3% ниже официальной банковской, налоговые льготы, компенсацию расходов на заработную плату в течение двух лет, преимущественную закупку товаров и услуг для государственных нужд, безвозмездное консультирование. За несоблюдение требований законодательства предусмотрены правовые ограничения в виде административной (аннулирование сертификации, применение штрафов и т.д.) и уголовной ответственности.

10. В целях дальнейшей легализации в законодательстве Российской Федерации, с учетом достоинств зарубежного правоприменительного опыта, разработаны критерии правового статуса субъекта социального предпринимательства как условий, предоставляющих право на государственную поддержку. Обосновано, что статус «субъекта социального предпринимательства (социального предпринимателя)» целесообразно предоставлять уполномоченным региональным органом по результатам проведенной государственной сертификации при выполнении одного из следующих условий:

1) основным уставным видом деятельности субъекта социального предпринимательства является предоставление (оказание) социально значимых услуг, а доля лиц, относящихся к социально незащищенным категориям граждан, среди всех лиц, которым такие услуги оказаны, составляет не менее 50%;

2) обеспечивается занятость лиц из социально незащищенных категорий граждан, среднесписочная численность которых среди всех работников составляет не менее 50%, а доля в фонде оплаты труда работников составляет не менее 25%;

3) основным уставным видом деятельности субъекта социального предпринимательства является предоставление (оказание) социально значимых услуг, а доля лиц, относящихся к социально незащищенным категориям граждан, среди всех лиц, которым оказаны такие услуги, составляет не менее 30% и при этом одновременно обеспечивается занятость социально незащищенных граждан,

среднесписочная численность которых среди всех работников составляет не менее 30%, а доля волонтеров – не менее 10%.

Государственную поддержку субъектов социального предпринимательства – коммерческих корпоративных организаций – целесообразно предоставлять при условии обязательного реинвестирования в решение социально значимых проблем не менее 66% прибыли организации.

В случае, если деятельность субъектов социального предпринимательства обладает высокой социальной значимостью, но частично не отвечает установленным критериям, федеральный уполномоченный орган вправе присвоить статус «субъекта социального предпринимательства» в индивидуальном порядке по предложению регионального уполномоченного органа по поддержке социального предпринимательства.

11. Обосновано, что наряду с традиционными правовыми формами (финансовой, имущественной, консультационной, информационной) поддержки следует высоко оценить британский правоприменительный опыт поддержки социального предпринимательства с использованием облигаций социального воздействия (социальных облигаций), в связи с тем, что соглашение о выплате дивидендов по облигациям социального воздействия заключается между сторонами государственно-частного партнерства – субъектом социального предпринимательства, инвестором, независимым экспертом, государственным органом (менеджером программы). По правовой природе социальные облигации в большей степени приближены к инвестициям в акционерный капитал, которые выплачиваются только на основе достигнутых результатов, а не к ценным бумагам. Достоинство этой правовой формы оптимизации взаимодействия некоммерческого сектора, бизнеса и государства заключается в возможности расходования бюджетных средств при оценке степени воздействия на решение конкретной социальной проблемы. Оценку перспективности данного социально-предпринимательского правового средства рекомендуется осуществить в виде экспериментального пилотного проекта в нескольких регионах Российской Федерации.

Теоретическое и практическое значение диссертационного исследования заключается в формировании выводов и предложений, оказывающих влияние на теорию гражданского и предпринимательского права в целом, а также рекомендаций по совершенствованию нормативно-правовой базы в сфере социального предпринимательства.

Апробация и внедрение результатов исследования. Основные положения диссертационного исследования излагались автором на научно-практических конференциях: IV (М., 2015 г.) и VII (М., 2017 г.) ежегодная международная научно-практическая конференция, посвященная памяти Заслуженного юриста РФ, доктора юридических наук, профессора Н.М. Коршунова; международная научно-практическая конференция «Перспективы развития социально-гуманитарных и экономических наук в XXI веке» (Белгород, 2018 г.), также они нашли отражение в публикациях автора. Теоретические и практические предложения по совершенствованию социально-предпринимательской деятельности приняты во внимание адвокатским бюро города Москвы «Корельский, Ищук, Астафьев и партнеры» («КИАП») как организацией, реинвестирующей часть дохода на решение наиболее значимых социальных проблем.

Структура работы обусловлена ее целями и задачами. Диссертация состоит из введения, трех глав, включающих восемь параграфов, заключения и библиографии.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность избранной темы исследования, раскрывается степень ее научной разработанности, определяются цель и задачи, предмет и объект исследования, методологическая, научно-практическая, эмпирическая и нормативная базы, научная новизна, теоретическая и практическая значимость исследования, формулируются научные положения, выносимые на защиту, приводятся сведения об апробации и внедрении результатов исследования, описывается структура работы.

Первая глава – «Эволюция идеологии социального предпринимательства как методологической основы совершенствования нормативной базы,

регламентирующей правовое положение субъекта социального предпринимательства в России и зарубежных странах», включает два параграфа, посвященных исследованию истоков зарождения идеологии социального предпринимательства в мире в целом, его влиянию, системообразующим принципам, предпосылкам появления во многих странах субъектов социального предпринимательства, их видам, признакам и способам легализации.

Первый параграф – «Влияние идеологии социального предпринимательства на развитие мировой нормотворческой практики: понятие, виды и признаки субъектов социального предпринимательства в доктрине и практике», построен на основе метода системного анализа. В работе обращается внимание на многолетний путь формирования идеологии социального предпринимательства в мире. Автором подчеркивается особая роль вкладов ученых Г. Диз, Б. Драйтон, М. Янг и др. в становление социального предпринимательства. Анализ теоретико-правовых взглядов зарубежных и отечественных ученых относительно понятия и содержания указанного правового явления позволил выделить следующие идеи и принципы: 1) нацеленность предпринимательской деятельности субъектов социального предпринимательства на решение широкого перечня социальных проблем посредством оказания качественных общественно полезных услуг, при которой получение прибыли вторично, а приоритетность достижения социального эффекта является обязанностью, а не правом, как для других субъектов предпринимательства; 2) доступность социально-трудовой интеграции лиц, относящихся к социально незащищенным группам граждан, с целью устранения иждивенчества; 3) обеспечение частной и публичной поддержки субъектов социального предпринимательства, а также субъектов инфраструктуры поддержки социального предпринимательства; 4) оптимизация взаимодействия некоммерческого сектора, бизнеса и государства в направлении формирования «социально-предпринимательского сектора» как имущественно-организационной базы обеспечения конкурентоспособности субъектов социального предпринимательства.

Автор приходит к выводу, что принципы, вытекающие из сущности идеологии социального предпринимательства, в полной мере могут считаться

методологической базой, обладающей достаточным потенциалом для дальнейшего исследования правового положения субъекта социального предпринимательства и позволяющей в качестве промежуточного вывода сформулировать дефиницию этих субъектов.

К субъектам социального предпринимательства автор относит индивидуальных предпринимателей, негосударственные коммерческие или некоммерческие организации, осуществляющих социально ориентированную деятельность, направленную на достижение общественно полезных целей.

Диссертант выделяет две разновидности социально ориентированных организаций (субъектов социального предпринимательства) – социально-трудовой интеграции и общественной пользы.

Во **втором параграфе** – «Общая характеристика нормативных (правовых) подходов к определению правового положения субъектов социального предпринимательства: тенденции и закономерности», обращается внимание на различие акцентов зарубежных законодательных подходов определения правового положения и разновидностей данных субъектов, зависящих от особенностей социально-экономической политики стран, предпосылок, причин и условий, влияющих на выбор антикризисного инструментария.

Путем анализа американского, европейского, азиатского подходов в регламентации социального предпринимательства автором делается вывод, что поддержка социального предпринимательства в Европе и Азии осуществляется органами государственной власти, а в США – зависит в большей степени от частных благотворительных фондов.

Для обоснования причин различий в законодательных подходах автором проводится историко-хронологический анализ развития правового положения субъектов социального предпринимательства в разных странах в различные периоды - в 1950-е, 60-е, 70-е, 80-е, 90-е и 2000-е годы.

Автором осуществляется анализ специальных законов о социальном предпринимательстве, принятых в различных странах Европы и Америки. На его основе делается вывод, что в США регулирование социального предпринимательства осуществляется на основе внесения дополнений в законы о

хозяйственных обществах, а в Европе впервые наметилась тенденция в сфере развития социального предпринимательства, ориентированная на принятие самостоятельных специальных законов. Также автор на основе проведенного анализа выделяет четыре наиболее распространенных способа легализации субъекта социального предпринимательства.

Во **второй главе** – «Зарубежный опыт определения статуса субъекта социального предпринимательства и условия его государственной поддержки», состоящей из четырех параграфов, исследуются основные закономерности формирования и развития правового положения субъектов социального предпринимательства в странах Европы (Великобритания), включая континентальную часть (Италия, Германия), в Азии (Южная Корея), а также в Америке (США, Канада). На основании изучения зарубежного законодательства доказываем необходимость применения европейского и азиатского опыта для построения отечественной модели формирования и правового обеспечения деятельности социальных предприятий.

В **первом параграфе** – «Правовые критерии предоставления субъекту социального предпринимательства статуса социального кооператива как условия его государственной поддержки в странах континентальной Европы», основной акцент сделан на итальянской правовой модели социального предпринимательства – социальном кооперативе (*Cooperativa Sociale* – (итал.)), так как именно он послужил образцом для разработки новых форм социального предпринимательства в различных странах Европы.

Диссертантом выявлено, что опорным источником правового регулирования положения социальных кооперативов является закон Италии от 08.11.1991 №381 «Дисциплина социальных кооперативов». Автор устанавливается, что в указанном нормативном правовом акте содержится понятие «неблагоприятное положение лиц», которое во многом схоже с понятием «трудная жизненная ситуация», некогда присутствовавшим в отечественном законодательстве. Автор обосновывается, что социальный кооператив является частной организацией вне зависимости от избранной организационно-правовой формы юридического лица, которая стабильно осуществляет основной вид экономической деятельности по

производству или обмену товаров, оказанию услуг социального значения, направленных на достижение целей, представляющих общественный интерес (общественную пользу) или которая обеспечивает занятость лиц, находящихся в «неблагоприятном положении». Также социальный кооператив может быть «смешанным», то есть преследовать обе цели.

В работе отмечается инновационность итальянского подхода в привлечении добровольцев к процессу деятельности социального кооператива. В параграфе критикуется отечественный подход в регламентации статуса «добровольца», в связи с чем, автором даются свои предложения по внесению изменений в Федеральный закон «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)».

По результатам анализа указанного института делается вывод о том, что наличие добровольцев является безусловным стимулом роста и поддержкой Третьего сектора Италии. Указанный опыт, по мнению автора, должен получить трансграничное распространение. Также диссертантом устанавливается четыре категории членства в социальном кооперативе: 1) члены-сотрудники; 2) лица, нуждающиеся в социально-трудовой реабилитации (от 30% до 50%); 3) члены-добровольцы (не менее 10%); 4) инвесторы.

Анализ итальянского зарубежного опыта государственного управления социальным предпринимательством позволяет разделить его субъектов на три категории: «А» – социально-трудовой интеграции, «В» – общественной пользы, «А+В» – смешанного типа, что отмечается в работе как передовой и положительный момент.

Во **втором параграфе** – «Социально ориентированные корпоративные организации США и Германии: особенности определения статуса социального предпринимателя», произведен анализ правовых подходов США и Германии к определению правового положения национальных моделей социальных предприятий, схожесть которых обусловлена взаимным следованием принципу создания общей ценности, приводящей к решениям, выгодным для обеих сторон, что представляет образец современной модели социальной экономики.

Автором подчеркивается отличный от Европы путь правовой социализации субъектов предпринимательства США, осуществляющийся посредством негосударственной сертификации, в результате которой социальному предприятию присваивается статус «общественно полезной корпорации». Также в работе выявлено, что в США в отсутствие специального федерального закона о социальном предпринимательстве нет и единой государственной системы сертификации. Любая социально ориентированная организация независимо от организационно-правовой формы, основывающая деятельность на идеологии социального предпринимательства, вправе сертифицироваться у любого рейтингового агентства.

Приводится анализ легализованных в некоторых американских штатах, специально предназначенных для социально-предпринимательской деятельности коммерческих низкодоходных корпораций с ограниченной ответственностью (Low-Profit Limited Liability Company – L3C (англ.)) и общественного блага (Benefit corporation – (англ.)). На основе теоретического анализа доказываем, что корпорация общественного блага так же, как и низкодоходная корпорация с ограниченной ответственностью (L3C), является типичной гибридной организацией, сочетающей в себе признаки коммерческой и некоммерческой организаций. Различия их состоят в том, что правовое положение L3C базируется на законодательстве об обществах с ограниченной ответственностью, а Benefit corporation – различных видах легально существующих корпораций.

Также в качестве сравниваемого с американской моделью субъекта социального предпринимательства приводится немецкое некоммерческое общество с ограниченной ответственностью (Gemeinnützige GmbH – gGmbH – (нем.)), чьи правовые критерии получают отдельную оценку.

В третьем параграфе – «Критерии предоставления статуса корпорации общественных интересов по законодательству Великобритании и Канады», проводится сравнительно-правовой анализ правовой регламентации деятельности социальных предприятий Великобритании и Канады. В результате чего выявляются организационно-правовые особенности субъектов социального предпринимательства в Соединенном Королевстве и Канаде. Доказывается место

государства как законодателя в организации решения социальных проблем. Выявлено, что в европейской традиции акцент делается на методах управления организацией и ее миссии.

Автор с учетом положений британских нормативных правовых актов раскрывает правовое положение компании общественных интересов «Community Interest Company» (англ.) – CIC, как единственного субъекта в социальной сфере в Соединенном Королевстве. Убедительным образом доказывается ее гибридный характер, включающий черты как коммерческой, так и некоммерческой организации. Установлено, что CIC – это компания, бизнес которой преследует социальные цели и чьи излишки принципиально реинвестируются для подобных целей, ни в коем случае не сводящихся к необходимости максимизации прибыли для акционеров или участников.

Отмечается важное инновационное решение законодателя в Великобритании по закреплению правового механизма по сдерживанию активов, заключающегося в ограничении распределения прибыли внутри компании. Указанный механизм носит название «запертых средств» или «блокировки активов» (asset lock – (англ.)). Другой, не менее важный правовой механизм, отмеченный автором, – это «верхний предел выплаты дивидендов» (dividend cap – (англ.)), который обязывает компании реинвестировать в свое дело, преследующее социально значимые цели, 2/3 от своей прибыли.

Обосновывается, что британский правоприменительный опыт легализации субъекта социального предпринимательства заслуженно высоко оценен в Канаде, где в июле 2013 года приняты поправки к Закону о коммерческих корпорациях, позволяющие регистрировать «Community Contribution Company» (англ.) – СЗ (компанию, действующую в интересах общества). СЗ — это статус субъекта социального предпринимательства. При этом автор приходит к выводу, что правовое положение канадской компании СЗ аналогично британской CIC.

В четвертом параграфе – «Правовое положение субъектов социального предпринимательства в Южной Корее: критерии статуса и условия его государственной сертификации и поддержки», автор указывает на правовое закрепление статуса субъектов социального предпринимательства, связанного с

принятием в 2007 году Закона «О развитии социального предпринимательства». На основании исследования исторических закономерностей зарождения социального предпринимательства в Южной Корее делается обоснованный вывод, что развитие данного сектора в стране и решение социальных проблем было бы невозможным без создания самостоятельного закона о социальном предпринимательстве.

Автором приводятся основные критерии определения деятельности предприятия как социального – это соблюдение требования, чтобы доход от предпринимательской деятельности организации превышал 30% от размера выплачиваемой заработной платы, а также чтобы 2/3 прибыли были reinvestированы на социальные цели (решение социальных проблем).

Таким образом, в параграфе констатируется, что в Южной Корее в первую очередь использован опыт Великобритании по осуществлению предпринимательской деятельности в форме компании общественных интересов (CIC), на что указывает необходимость reinvestирования 2/3 прибыли на решение социальных проблем, также заимствован опыт Италии, что проявляется в плюрализме организационно-правовых форм социальных предприятий. Вместе с тем, замечен американский опыт сертификации социальных корпораций.

По мнению автора, такая комбинация наилучших инновационных средств развития социальных предприятий позволяет Южной Корее добиваться колоссальных успехов в поддержке социально незащищенных групп населения, что не может не восприниматься положительно.

В третьей главе – «Российские правотворческие подходы к определению правового статуса субъекта социального предпринимательства и оценка перспектив использования зарубежного опыта», состоящей из двух параграфов, приводятся теоретические предложения по совершенствованию перечня критериев субъекта социального предпринимательства как условий его государственной поддержки. Также анализируются перспективы применения в указанной сфере результатов правоприменительного зарубежного опыта.

В первом параграфе – «Правовая регламентация статуса субъекта социального предпринимательства в Российской Федерации: критическая оценка правотворческих и доктринальных подходов», приводится анализ российских

нормативных правовых актов в сфере определения сущности и финансовой поддержки субъектов социального предпринимательства, в результате чего положения некоторых из них получают критическую оценку.

Автор критикует существующие подходы Минэкономразвития, изложенные в его приказах, в связи с тем, что в них определена незначительная группа получателей государственной поддержки, что лишает других потенциальных субъектов социального предпринимательства возможности эффективного участия в решении социальных проблем различной направленности. Автором предлагается, не ограничиваясь конкретной организационно-правовой формой, предоставлять всем без исключения юридическим лицам – субъектам малого и среднего предпринимательства – право на государственную поддержку. Для этого выявляются основные факторы, которые необходимо учесть при обосновании критериев для государственной поддержки субъектов социального предпринимательства.

Определяются и предлагаются концептуальные положения, которые должен предусматривать Закон «О социальном предпринимательстве».

В заключении параграфа на основе системного подхода к исследованию правовых явлений, с учетом зарубежного правоприменительного опыта автором формулируются критерии субъекта социального предпринимательства как условий его государственной поддержки.

Во **втором параграфе** – «Перспективы применения положительного зарубежного опыта по совершенствованию правового положения субъекта социального предпринимательства», автор описывает действие такого финансового инструмента привлечения инвестиций как облигации социального воздействия (Social impact Bonds (SIB) – (англ.)) или облигации развития (Development Impact Bonds (DIB) – (англ.)), играющего важную роль в развитии социального предпринимательства в США и Великобритании. Выявляется разница между указанными облигациями.

Также доказывается, что указанный финансовый инструмент позволяет частным инвесторам привлекать капитал для общественных проектов, обеспечивающих социальные и экологические результаты. Если проект будет

успешным, вложенные средства инвесторов будут погашены правительством (Social Impact Bonds), или агентством по оказанию помощи, или другим спонсором филантропической направленности (Development Impact Bonds), при этом впоследствии будут выплачены проценты.

Указывая на большую степень эффективности в сфере развития социального предпринимательства, автор предлагает рецептировать и внедрить в Российской Федерации зарубежный опыт по реализации указанных выше средств поддержки субъектов социального предпринимательства.

В **заключении** излагаются основные выводы по результатам проведенного исследования.

Список работ, опубликованных автором по теме диссертации:

Статьи в рецензируемых научных журналах и изданиях, рекомендованных ВАК при Министерстве науки и высшего образования РФ для опубликования основных научных результатов диссертаций:

1. *Калиниченко, Д.В.* Британская «компания общественных интересов» как образец успешного социального предприятия: результаты деятельности и применимость их в российской правовой действительности [Текст] / Д.В. Калиниченко // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. - 2015. - №4. - С. 176-184. (0,69 п.л.);

2. *Калиниченко, Д.В.* Правовые средства поддержки и развития социального предпринимательства в Российской Федерации [Текст] / Д.В. Калиниченко // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. - 2017. - №2. - С. 259-262. (0,47 п.л.);

3. *Калиниченко, Д.В.* Правовой статус социальных предприятий как субъектов социального предпринимательства по законодательству стран Европы: возможность использования зарубежного опыта в отечественной юрисдикции [Текст] / Д.В. Калиниченко // Право и экономика. - 2017. - №4. - С. 71-78. (0,75 п.л.);

4. *Калиниченко, Д.В.* Правовое положение социальных предприятий в Южной Корее: особенности и правовые инновации [Текст] / Д.В. Калиниченко //

Экономика. Предпринимательство. Окружающая среда. - 2017. - №2. - С. 94-102. (1,12 п.л.).

5. *Калиниченко, Д.В.* Перспективы применения положительного зарубежного опыта в сфере правового регулирования поддержки социального предпринимательства [Текст] / Д.В. Калиниченко // Экономика. Предпринимательство. Окружающая среда. - 2017. - №3. - С. 109-115. (0,87 п.л.).

6. *Калиниченко, Д.В.* Социально ориентированные корпорации США и Германии: особенности определения статуса социального предпринимателя [Текст] / Д.В. Калиниченко // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. - 2018. - №2. - С. 140-149. (0,61 п.л.).

Статьи, опубликованные в иных научных изданиях:

7. *Калиниченко, Д.В.* Правовое положение компании общественных интересов по законодательству Великобритании [Текст] / Д.В. Калиниченко // Право и бизнес: конвергенция частного и публичного права в регулировании предпринимательской деятельности. Сборник статей участников IV Ежегодной международной научно-практической конференции, посвященной памяти Заслуженного юриста РФ, доктора юридических наук, профессора Коршунова Н.М. - М.: Московская академия экономики и права, 2015. - С. 481-485. (0,35 п.л.).

8. *Калиниченко, Д.В.* Социальные предприятия в европейских странах: сравнительно-правовой анализ [Текст] / Д.В. Калиниченко // Корпоративное правоотношение в условиях конвергенции частного и публичного права. Сборник статей участников VII Ежегодной международной научно-практической конференции «Коршуновские чтения». - М.: Московская академия экономики и права, 2017. - С. 267-277. (0,56 п.л.).

9. *Калиниченко, Д.В.* Влияние идеологии социального предпринимательства на развитие мировой правоприменительной практики: понятие, виды и признаки субъектов социального предпринимательства в доктрине и практике [Текст] / Д.В. Калиниченко // Перспективы развития социально-гуманитарных и экономических наук в XXI веке. Сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции. В 2-х частях. - Часть 2. - Белгород, 2018. - С. 36-39. (0,26 п.л.).